

удается с него содрать. Нивон не сумела рассеять его сомнения; он опасно заболевает. Нивон так этим растрогана, что отрезает себе волосы — а они у нее великолепны — и посылает их Вилларсо, дабы он видел, что она не желает ни выезжать, ни кого-либо пригласить у себя. Такое самопожертвование благотворно сказывается на состоянии больного: лихорадка тотчас же проходит. Узнав об этом, она идет к нему, ложится в его постель, и они не встают с нее целую неделю.

Два года спустя один высокий, статный малый, по имени де Муссо (родом он из Вова), по возвращении из Швеции, где королева за красивую внешность сделала его капитаном своей гвардии (впоследствии она вынуждена была лишиться его этой должности, поскольку другие французы утверждали, будто он не дворянин; еще до этого он побывал на Калдии,⁶ где состоял на военной службе у венецианцев), — так вот, этот де Муссо, познакомившись с Нивон в Комедии, пришел навестить ее; она приняла его лежа в постели. «Кто вы такой, — спросила она, — вы, берущий на себя смелость входить ко мне, не будучи представленным?». — «У меня нет имени», — ответил он. «А родом вы откуда?». — «Я пикардец» (она ненавидит пикардцев). «А где вы воспитывались?». — «На Калдии». — «Боже мой! что за человек! а вы, случаем, не вор? Пьеро, смотрите в оба, чтобы он чего-нибудь не стащил. Я не знаю, кто вы такой, мне нужен поручитель». — «Я приведу вам Буаробера». — «Это не то, что мне нужно, да и вам тоже». — «Тогда я приведу Роклора». — «Он слишком гасконец» (заметьте, что обих он знал только по виду). «Но будь у меня поручитель, что бы тогда?». — «Там было бы видно; вы пожилки бы некоторое время здесь, ведь я переменива. Пьеро бы вам прислуживал». — «Но у меня нет ни гроша, — говорит он, — меня надобно содержать». — «Сколько же вам надобно?». — «Пистоль в день». — «Полноте, — говорит она, — я даю вам сорок су». Наконец он проговорился и назвал Рамбуйе, который был ему знаком. «О! — воскликнула она, — вот его я согласна взять в поручители». На этом они расстались. Впоследствии этот малый перешел на службу к г-ву де Ноаю.

Любовное увлечение Вилларсо доставило немало огорчений его жене. Буаробер рассказывает, что однажды, когда он зашел к Вилларсо, — ибо, бывая в Париже, квартирует в доме, который ему продал, — воспитатель детей Вилларсо, желая показать Буароберу, насколько образованы его питомцы, спросил у одного из них: — *Quis fuit primus monarcha? — Nem-brot. -- Quam virum Semiramis? — Ninum.*⁷ Г-жа де Вилларсо сильно разгневалась на учителя. «Поистине, — сказала она ему, — вам следовало бы воздержаться и не обучать детей всяким гадостям; и добавила, что упоминание этого имени у нее в доме оскорбительно.

Вилларсо приревновал Нивон к маршалу д'Альбре (1656), который, ничего не добившись у девицы дю Герши, жившей напротив Нивон, перешел ручей и прельстил Нивон вторично. Он открыто похвалялся, что пленен ею навсегда.